



В. РОГОВ

## У СОВЕТСКИХ ДУНГАН

**В** последних числах декабря 1877 года, когда короткий зимний день склонялся к вечеру, в русское пограничное укрепление Нарын, утопая по пояс в снегу, неожиданно пришло несколько тысяч человек в стеганых, на вате халатах китайского покроя. Здесь были и грудные младенцы, и восьмидесятилетние старцы. У многих были отморожены руки и ноги, у других рядом со свежими рубцами на теле были еще не зажившие гноящиеся раны. Окоченевшие от непривычного холода, изнуренные голодом и тяжелой дорогой, они с трудом передвигали ноги. Некоторые из них, собрав последние силы и сделав несколько шагов, падали на снег, чтобы больше никогда не встать. Так описывал русский географ, знаток Азии Ф. В. Поярков переселение китайских дунган в Россию. Это был последний эпизод многолетней кровопролитной борьбы дунган, восставших против игоманьчжурской династии и жестоких притеснителей-феодалов. Потерпев поражение в неравном бою, тысячи людей под страхом смерти вынуждены были

покинуть родные места, бросить скот и имущество и искать мирного пристанища.

В старой царской России их жизнь была обычной для миллионов бедных, малоземельных и безземельных крестьян, которых эксплуатировали и разоряли кулаки и помещики, обирали и притесняли царские чиновники. И лишь Великий Октябрь принес им новую, свободную и счастливую жизнь. Вместе со всеми народами Советской России они боролись за завсевания Октябрьской революции. В годы гражданской войны в рядах Красной Армии героически сражался Дунганский полк.

Я приехал во Фрунзе и сразу же связался по телефону с редакцией дунганской газеты «Шиюэдици» («Знамя Октября») в надежде встретить главного редактора—поэта Ясыра Шиваза. Со времени нашей первой и единственной встречи в Москве про-

*Весело смеется дунганка — наследница счастливой и свободной жизни.*

шло ровно двадцать пять лет. Но в редакции мне ответили, что его нет в городе и вернется он не раньше чем через неделю. Одновременно мне передали приятную новость: заместитель главного редактора товарищ Хавазов приглашал меня поехать с ним в дунганский колхоз «Дружба», расположенный в тридцати двух километрах от Фрунзе.

Имя поэта Ясыра Шиваза, основоположника дунганской советской литературы, широко известно не только в Советском Союзе, но и в Китае, где проживает основная масса хуэй-цзу, как китайцы называют дунган. Это и понятно. Творчество поэта ярко отражает светлую судьбу его маленького народа в дружной советской семье.

Ясыр Шиваза родился в 1906 году в селе Александровке. Сын сельского кузнеца, он учился грамоте в деревенской мусульманской духовной школе. «Среди учеников, — рассказывает Шиваза, — я был одним из самых бедных. В свободное от школьных занятий время мне приходилось работать в кузнице, помогать отцу». Советская власть принесла освобождение всем восточным народам бывшей царской России, и молодой Шиваза получил возможность окончить Институт народного просвещения в Ташкенте, стать педагогом, видным деятелем культуры и любимым народным поэтом.

Его первое стихотворение «Дунганка» было опубликовано в 1929 году, а первая книга стихов вышла в 1931 году, когда поэту исполнилось 25 лет. Больше тридцати поэтических и прозаических сборников опубликовал Шиваза с того времени на дунганском, киргизском и русском языках. Кроме того, в переводе Шиваза на дунганском языке вышел сборник стихотворений А. С. Пушкина.

Человек многостороннего дарования, Шиваза известен не только как поэт и писатель, но и как педагог, ученый-лингвист и общественный деятель. Он был одним из первых учителей в дунганской народной школе, активно участвовал в разработке алфавита и грамматики родного языка. Еще в 1931 году поэт издал две книги для чтения по дунганскому языку. Через семь лет появились составленные им школьная грамматика и учебник правописания. И, наконец, в 1955 году он издал интересный букварь. Последние годы Ясыр Шиваза работает главным

редактором газеты «Шиюэди ци», выходящей на дунганском языке. Он активно участвует в культурной жизни своего народа, выступает как пламенный сторонник мира.

Творчество Ясыра Шиваза многогранно. Его стихи музыкальны и образны. Источник его поэзии неисчерпаем — это народные дунганские песни и китайская классическая поэзия. Замечательно одно из его последних лирических стихотворений, которое я не могу не привести полностью, ибо в нем отражена новая жизнь дунганского народа.

## ВЕСНА

Пришла весна...  
В моем саду цветы на ветках зацвели,  
Подобны белым облакам, гудят мохнатые шмели.

Шумит листва.  
И меж листов трепещут крылышки стрекоз.  
Цветет, цветет в моем саду душистый красный абрикос.

Пришла весна...  
Вот утром девушка идет по целине.  
О, как хотел бы тракторист остаться с ней наедине!

Цветет, цветет в моем саду душистый красный абрикос.  
Идет наш агроном, а по плечам сбегают струйки кос.

И дни бегут...  
Когда же осень вспыхнет золотым костром,  
В саду созреет абрикос, и выйдет замуж агроном.

\* \* \*

Вместе с Якубом Хавазовым на другой день мы отправились в колхоз «Дружба», в родное село Ясыра Шиваза.

Можно много раз проезжать мимо колхоза «Дружба» и не догадаться, что это один из дунганских колхозов. По внешнему виду он ничем не отличается от других крупных колхозов Киргизии. Такие же опрятные, старательно выбеленные саманные домики с деревянными крыльцами и наличниками окон, типовые здания новых школ и клубов; только присмотревшись, можно заметить тростниковые изгороди с искусно вплетенным необычным узором. Внутреннее убранство домов и расположение комнат и даже дворов типично дунганское, во многом напоминающее китайские деревенские дворики.

В правлении колхоза мы встретили огромного, но исключительно подвижного человека, принимавшего отчеты у руководителей бригад. Это был председатель колхоза Месизов Мамаза (дунгане, так же как китайцы, вначале пишут фамилию, а потом имя). Он удивительно кратко и точно рассказал нам о делах и людях колхоза.

30 лет назад все бедняки и большинство середняков, живущих в Александровке, впервые объединились в сельскохозяйственную артель. Вся ее «техника»

В дунганской школе.



тогда состояла из нескольких десятков лошадей, мотыг, кетменей, деревянных борон да телег. Сейчас в колхозе объединено 1328 хозяйств — свыше 5800 человек. В колхозе работают люди восемнадцати национальностей: дунгане, русские, киргизы, уйгуры, татары, казахи, узбеки и другие. Отсюда и новое название колхоза — «Дружба» — вечная братская дружба социалистических наций, не знающих феодалов, помещиков, кулаков, монахов, баев, ростовщиков. В связи с реорганизацией МТС колхоз купил у государства 40 тракторов, 23 комбайна, 24 автомашины и много прицепного инвентаря — на два миллиона рублей. Для обслуживания и эксплуатации сельскохозяйственных машин потребовалось создать колхозную ремонтно-механическую мастерскую, гаражи и несколько специализированных складов.

У колхоза 25 тысяч гектаров земли, закрепленных за ним государственными актами в вечное пользование.

— Хотя значительная часть наших пахотных земель занята под пшеницей, — говорит председатель колхоза, — в основном мы специализируемся на производстве сахарной свеклы.

— А рис вы сеете? — спросил я его.

— Нет, теперь не сеем. По климатическим условиям выгоднее сажать овощи, сеять свеклу и пшеницу. Рис мы покупаем у государства. Сколько надо, столько и покупаем. Он и по качеству лучше того, какой родится здесь. Большой доход приносит колхозный сад. Думаем увеличить его еще вдвое.

— Так что вы перестаете быть рисоводами?

— Зато наш колхоз занимается в большом масштабе общественным животноводством, и у нас растут настоящие мастера свеклосеяния.

На вопрос, что нового в жизни колхоза, кроме механизации работ, председатель Месизов ответил:

— Нового много. Большое колхозное строительство, рост квалифицированных кадров, культуры, заметное улучшение материально-бытовых условий жизни колхозников.

Товарищ Хавазов вынул свой блокнот и попросил рассказать поподробнее.

— Мы, — с нескрываемой гордостью и удовлетворением говорил председатель, — строим новые коровники, телятники, мастерские, большой клуб, помещение для начальной школы. Только на строительство клуба выделен миллион рублей. Мы можем позволить себе такие затраты, ведь годово́й доход колхоза — 15 миллионов рублей. За последние два-три года построено свыше двухсот типовых жилых домов, крытых железом. Колхозники не хзят теперь жить в старых саманных землянках с курными очагами. Многие строят дома на собственные средства. В 1959 году колхозники закупили 200 кубометров лесоматериалов для индивидуального жилищного строительства. Сейчас электрифицировано больше половины домов, в 1961 году электричество будет во всех домах, а ведь несколько лет назад оно было нам в диковинку. Радиофикацию наших сел мы осуществили три года назад. Есть еще один показатель роста благосостояния колхозников: многие колхозники завели личные автомобили, в том числе несколько машин марки «Волга».

— У нас, — продолжал Месизов, — есть свой инженер — главный механик колхоза и два помощника у него, затем техник — заведующий гаражом, больше десяти механиков и еще больше квалифицированных рабочих в мастерских. Кроме этого, 40 трактористов и 36 комбайнеров. Так что отряд механизаторов у нас — свыше ста человек! Потом два



*Три поколения дунганских крестьян.*

агронома, один зоотехник с высшим образованием, 15 медицинских работников, педагоги, работники детских домов, яслей, колхозного клуба. И все они работают у нас не по найму, не приходящие со стороны, а наши собственные колхозные кадры. Много нашей молодежи учится в вузах и техникумах Фрунзе. По окончании учебы они возвращаются в колхоз.

Еще мы узнали о гарантированном авансировании трудодня — по пяти рублей и по одному килограмму пшеницы, о начальной, двух неполных средних и одной средней колхозных школах, об интернате для дунганских детей, о детских садах и яслях, о родильном доме и о колхозном медицинском пункте. Много было сказано хорошего о враче-дунганке Эрдгезе Арбуду, об учителе-историке и лингвисте Рахмане Хихиза, о народном певце-сказителе Суцулине Салицы и о других людях колхоза. Большинство из них коммунисты и комсомольцы. Кол-

хозная парторганизация насчитывает 65 человек, а комсомольская — 158.

Обедали мы в доме дунганина Шабазова Лавазы — заведующего колхозной фермой, где нас угощали дунганскими кушаньями. Меня особенно поразило внутреннее устройство большого деревянного дома, на каменном фундаменте, с двускатной крышей. Из прихожей одна дверь ведет в зимнюю кухню, за другой расположена большая китайская комната с окнами во двор, почти наполовину от стены до стены занятая каном — широкой каменной лежанкой, обогреваемой изнутри, на которой спят, едят и занимаются домашней работой. Еще дальше светлая русская комната поменьше с окном во двор и с двумя окнами на улицу. Не только кушанья, которые мы ели куайцзами — китайскими палочками, напоминают китайские блюда, но и во всей обстановке и убранстве комнат чувствуются какие-то неуловимые черты китайского быта. Дунгане сохранили китайский тип домов и одежды, хотя и в домах, и в одежде явно прослеживается влияние русских. Одежда дунган по своему покрою (распашные полы, широкие появые рукава, шаровары с кушаками и т. д.) очень близка к китайской. У дунган сохранились китайская кухня, посуда и утварь. Правда, в отличие от китайцев они едят молочные продукты и, как все мусульмане, не едят свинину.

За столом разговор шел о дунганах и их языке. Язык дунган представляет шэньсийский и ганьсуйский говоры китайского языка с большими заимствованиями из арабского, тюркского и русского языков. Стоит только внимательно прислушаться, и начинаешь различать отдельные китайские слова, а затем и целые выражения.

Один из гостей рассказал народную легенду о том, что дунгане происходят от оставшихся в Китае во время Ханьской династии (202 год до н. э. — 220 год н. э.) воинов из ближневосточных стран, женившихся на китайках: их стали называть «турган», что значит «оставшийся». Эта легенда перекликается с литературными источниками, согласно которым дунгане происходят от осевших в Китае воинов Александра Македонского<sup>1</sup>.

Учитель Рахман Хихиза рассказал мне много интересного о преподавании в дунганских школах.

— Мы ведем обучение в начальной и неполной средних школах на дунганском языке, — сказал он. — Этого вполне достаточно, чтобы молодежь укрепила и развила знание своего родного языка. Затем, в старших классах, мы переходим на русский язык, а дунганский язык и литература преподаются как самостоятельные дисциплины. Китайский язык изучается на добровольных началах. Вообще в нашем многонациональном колхозе языковая проблема очень сложна. В школах есть киргизские группы, где преподавание ведется на киргизском языке, есть и другие языковые группы. В средней школе, где работаю я, из 1050 учеников большинство — дунгане. Вся молодежь стремится хорошо овладеть русским языком, что открывает перед ней широкую дорогу в науку, технику и в искусство.

— Мы — маленький народ, — сказал учитель. — В Киргизии нас живет всего 12 тысяч человек. Но здесь, в Советской стране, мы нашли большое счастье.

<sup>1</sup> Советские ученые С. П. Толстов и Н. Н. Чебоксаров связывают происхождение дунган с китайским населением процветавшего в древности Дуньхуана (на северо-западе Китая). Другие считают их потомками тогонов, народа монгольской группы, жившего в VII—X веках.

## РАСПАХАННАЯ



До народной революции земледелие в Монголии было развито слабо. Это объяснялось прежде всего колониальным положением страны. Ввоз в Монголию дешевых промышленных и особенно продовольственных товаров тормозил развитие земледелия, душил и вытеснял производство сельскохозяйственных продуктов. Только при народной власти монгольский народ получил возможность заниматься земледелием.

Еще в начале 30-х годов в МНР с помощью Советского Союза были созданы первые зерновые государственные хозяйства («осхозы»). Однако отсутствие у монголов достаточного опыта по возделыванию сельскохозяйственных культур и слабость мукомольной промышленности до последнего времени задерживали развитие земледелия в МНР. Поэтому в течение последних двух-трех десятков лет оно развивалось только в опытным порядке.

Успехи промышленности, рост населения резко повысили в последние годы спрос на муку, картофель, овощи и другие продовольственные товары. МНР стала ежегодно ввозить из СССР и КНР по 60—70 тысяч тонн муки. На закупку ее расходуется более 30 миллионов рублей в год, что составляет шестую часть стоимости всего импорта МНР. Увеличение сельскохозяйственного производства было также необходимо в связи с ростом поголовья скота.

Чтобы разрешить эту проблему, Монгольская народно-революционная партия и правительство в марте 1959 года наметили освоить в ближайшие два-три года (1959—1961) не менее 300 тысяч гектаров целинных земель, собирать ежегодно не менее 120—150 тысяч тонн пшеницы и вырабатывать из нее 70—80 тысяч тонн муки, то есть столько, сколько ежегодно завозится из-за границы. На освоение целинных земель собственными силами у МНР ушли бы годы. Ведь для этого требуется большое количество сельскохозяйственных машин, а главное механизаторов и других специалистов, способных управлять крупными зерновыми хозяйствами. Между тем у МНР еще мало своих специалистов и машин. Разрешение такой большой для МНР задачи в столь короткий срок стало возможным только благодаря бескорыстной помощи СССР. За период с 1958 по 1960 год Советский Союз поставил в кредит монгольскому правительству около 3000 тракторов, почти 1000 комбайнов и более 3000 автомашин. Одновременно он помогает строить мукомольные предприятия. Из семи мельниц общей производственной мощностью 70—80 тысяч тонн в год четыре уже построены и сданы в эксплуатацию. С пуском в эксплуатацию в 1962 году остальных трех мельниц МНР будет полностью обеспечена собственным хлебом. Это в свою очередь даст возможность Монгольской Народной Республике высвободить большие средства, получаемые от экспорта животноводческой продукции, и увеличить ввоз из-за границы машин и оборудования, необходимых для промышленного строительства и ускорения темпов развития всего народного хозяйства.

Чтобы помочь вспахать целинные земли и научить монгольских механизаторов управлять современными сельскохозяйственными машинами, а также передать монгольским руководящим кадрам госхозов опыт по организации производства и руко-